

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О М. Ф. МУРЬЯНОВЕ И ЕГО СТАТЬЕ

Михаил Федорович Мурьянов (21.XI 1928—6.VI 1995) оставил более двухсот исследований по романо-германскому, византийскому и славянскому средневековью, герменевтике русской литературы (с древнейших времен по начало XX в.), этимологии, исторической лексикологии русского языка, фольклористике, археографии, иконографии и т. д. (многое из того, что заслуживает благодарного читательского интереса, всё еще ждет опубликования). Однако покойный ученый, прошедший школу В.М. Жирмунского и М. П. Алексева, поражает отнюдь не только профессиональной разносторонностью: трудам М. Ф. Мурьянова присуще редкое сочетание тематической широты с подлинной методологической глубиной. Основательность во всём, тщательность, точность, стремление к доказательности и исчерпывающей полноте, напряженное ощущение философской и культурно-исторической перспективы — всё это характерные черты научного стиля М. Ф. Мурьянова. Его исключительная филологическая эрудиция — не только фундамент, но и результат избранного им научного метода: «<...> проверить пушкинское словоупотребление на всю глубину славянской традиции, включая греческие первоисточники», — так определил свою задачу сам исследователь в неопубликованной работе о стихотворении «Мирская власть».

Велики заслуги М. Ф. Мурьянова в области кириллометодяны: в частности, он отыскал и опубликовал считавшееся утерянным сочинение Константина Философа (см.: *Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян*, Москва 1991, 77—86, 102—108, 129—143). Не менее значительный вклад внес М. Ф. Мурьянов в изучение древнерусской литературы: достаточно упомянуть его докторскую диссертацию «Гимнография Киевской Руси», а также монографию «„Слово о полку Игореве“ в контексте европейского средневековья», которая посвящена истолкованию некоторых темных мест в памятнике, представляющем для филолога и историка трудности почти непреодолимые (см.: *Palaeoslavica*, 1994, vol. IV, 7—240). Пушкиноведение обязано ученому большим числом образцовых разысканий по истории текста и смысла многих произведений поэта — напомним хотя бы о том, что именно М. Ф. Мурьянов нашел то самое армянское преданье, на которое как на источник Пушкин ссылается в «Гавриилиаде» (см.: *Временник Пушкинской комиссии 1971*, Ленинград 1973, 73—80). Уже после смерти исследователя вышли две его книги, посвященные Пушкину: одна — «Пушкинские эпитафии» (см. мою рецензию: *Вестник Российской академии наук*, 1996, т. 66, № 6, 558—561); другая — «Из символов и аллегорий Пушкина» (Москва 1996). Более двух десятков статей было написано для «Лермонтовской энциклопедии». Среди русских классиков XVIII—XIX вв. героями М. Ф. Мурьянова стали также Ломоносов, Тютчев, Щедрин, В. Соловьев, Чехов.

К литературе XX в. М. Ф. Мурьянов обращался реже. Так, например, из опубликованных его работ Блоку посвящена только изящная заметка о выражении *Прекрасная Дама*, источник которой филолог обнаружил в романском средневековье (см.: *Русская речь*, 1972, № 6, 122—123). Тем удивительней свободное владение несколькими «экзотическим» для него историко-литературным материалом, какое можно увидеть в публикуемой статье, написанной четверть века назад, — она окончена 27.X 1971. Ее

автора прежде всего занимала «философская ориентация Блока» и «природа его мистичизма». Образы и мотивы стихотворения «Царица смотрела заставки...» М. Ф. Мурьянов связал с поэтическим и философским творчеством В. Соловьева. Стихотворение было написано 14.XII 1902 — комментатор обратил внимание на близкое к этой дате событие, имевшее место 8 декабря, когда для свиданий с Л.Д. Менделеевой поэт снял меблированную комнату на Серпуховской, где переживал недоступное пониманию обычных людей «верхнее счастье», о котором писал в стихотворении «Любопытство напрасно глазело...». Именно такое «счастье» проповедовал убежденный девственник Соловьев, единственной «царицей» которого была София Премудрость Божия — с нею, делая необходимую оговорку (см. с. 26), отождествляет блоковскую «царицу» М. Ф. Мурьянов, усматривающий в стихах о Голубиной книге «скрытый софианский замысел». К тому же выводу его подталкивает «сакральная» дата под стихотворением — 14 декабря: в 537 г. в этот день, как утверждает исследователь, произошло освящение собора св. Софии в Константинополе (см. примеч.* на с. 33 сл.).

То, что Блок действительно находился под сильным влиянием Соловьева, в том числе, в вопросе о «совершенном браке», не подлежит никакому сомнению: «„Запрещенность“ всегда должна остаться и в браке», — писал поэт летом 1903 г., накануне свадьбы с Л. Д. Менделеевой (А. Блок, *Записные книжки, 1901—1920*, Москва 1965, 48). Как известно, это решение привело к печальным последствиям, к тяжелейшей семейной и личной драме в жизни обоих супругов. В то же время, в отношении к браку у философа и его последователя больше различия, чем сходства: если строгий и решительный моралист Соловьев был действительно, как пишет Мурьянов, «девственник и вегетарианец», то Блок уже задолго до встречи с невестой имел большой и не вполне благополучный сексуальный опыт — вплоть до венерических заболеваний. Об этом сказано в мемуарах Л. Д. Блок «И былъ и небылицы о Блоке и о себе»: «Физическая близость с женщиной для Блока с гимназических лет это — платная любовь и неизбежные результаты — болезнь». «Говорить обо всем этом неприятно, это область „умолчаний“, но без этих [далеко еще не полных намеков] столь неприятных слов совершенно нет подхода к пониманию следующих годов жизни Блока» (см. приложение, с. 50—52). В свете таких биографических сведений намерение поэта следовать моральным заповедям Соловьева выглядит несколько двусмысленно.

Надо сказать и о том, что, обогащая свою работу всё новыми и новыми экскурсами в иконографию Богородицы, в гностические верования, в предания хлыстов и прочее, М. Ф. Мурьянов, увлеченный поисками основ блоковского мировоззрения, проходит мимо некоторых биографических подробностей, по всей видимости, определивших ближайшее значение символов интерпретируемого стихотворения. «Царевна» угадывается легко — это, как замечают все комментаторы, сама Любовь Дмитриевна. Вобразе же «царицы» специалисты склонны видеть вечную антагонистку Блока — З.Н. Гиппиус, интенсивная переписка и личное общение с которой много значили для поэта в то время. По мнению В. Н. Орлова, «судя по вопросу, который Блок задал в письме к Л. Д. Менделеевой („Угадай, кто царица...“ и т. д.), можно предположить, что он приравнивал символику своего стихотворения к З.Н. Гиппиус („царица“) и к Л. Д. Менделеевой („Царевна“), но само собой разумеется, что такое приравнивание

носило характер шутки» (*Литературное наследство*, Москва 1978, т. 89: Александр Блок: Письма к жене, 82 примеч. 3). С В. Н. Орловым была согласна и З. Г. Минц: «<...> в стихотворении „Царица смотрела заставки...“ <...> Блок противопоставляет простой, „кроткий“ и поэтический мир „царевны“ — змеиной премудрости, „глубинности древней“ „царицы“. Посылая это стихотворение Л. Д. Менделеевой, Блок писал 15 декабря 1902 г.: „Угадай, кто царица. Я уж и на нее не всегда (!) сержусь. Не могу уж сердиться, очень далеко, в тридесятном царстве! Постарайся и ты не сердиться, будет легче, будет звонче“. Контекст письма весьма прозрачно связывает „царевну“ с невестой поэта, а „царицу“ — с З. Н. Гиппиус <...> Слова В. Н. Орлова: „Само собой разумеется, что такое приношение носило характер шутки“, — следует, очевидно, понимать как предупреждение против наивно-биографического истолкования текста. <...> это не „чисто“ биографическое стихотворение: его основное противопоставление носит поэтически философский и мифопоэтический характер» (З. Г. Минц, 'А. Блок в полемике с Мережковскими', *Ученые записки Тартуского государственного университета*, 1981, вып. 535, 135—136).

М. Ф. Мурьянов не учел охлаждения Блока к личности и идеям Мережковских, произошедшего осенью 1902 г., и не принял во внимание ревность Л. Д. Менделеевой к Гиппиус и ее требование, занесенное Блоком в записную книжку в сентябре(?) 1902 г.: «Я прошу Вас оставить всех Мережковских» (А. Блок, Указ. соч., 42). 13 декабря Блок набросал «Возражение на теорию Мережковского» (А. Блок, *Собрание сочинений*, Москва — Ленинград 1963, т. 7: Автобиография, 1915; Дневники, 1901—1921, 67—68, 474 примеч. 166), а 14 декабря, в день, когда было написано стихотворение о Царевне и царице, поэт отказался от приглашения Мережковских посетить их на даче под Лугой. 18 декабря он письмом успокаивал Любовь Дмитриевну: «Скоро мы „оставим всех Мережковских“. Зин<аиду> Ник<олаевну> я понял еще больше, она мне теперь часто просто отвратительна <...> Я же с Тобой и от Тебя беру всю мою силу противодействия этим бесам» (*Литературное наследство*, 86). Таким образом, стихотворение, разбираемое М. Ф. Мурьяновым, несомненно, было во многом написано для Л. Д. Менделеевой — с тем, чтобы, перифразируя пушкинскую «Сказку о мертвой царевне», сказать своей Невесте о том, что Царевна румяней царицы. Однако правда и то, что отход от Мережковских, нашедший свое отражение в стихах о Голубиной книге, Блок в то время воспринимал «как возвращение к „истинным“ догматам соловьевства» (З. Г. Минц, Указ. соч., 135): «М-те Мережковская однажды выразилась, что Соловьев устарел и „нам“ надо уже идти дальше. Чем больше она говорила таких (а также и многих других!) вещей, тем больше я на нее злюсь» (А. Блок, *Собрание сочинений*, т. 8: Письма, 1898—1921, 49).

Тем не менее не вполне убедительным остается предположение М. Ф. Мурьянова о том, что Блок сознательно посвятил стихотворение 14-му декабря. Общее заглавие дебютного цикла «Из посвящений» вовсе не требовало от поэта специального посвящения кому-либо или чему-либо каждого из десяти стихотворений. Да, собственно, эти стихотворения формально никому и не посвящены (за исключением одного — «Старик», посвященного, видимо, позднее академику А. С. Фаминцыну). Блок педантично датировал все стихи, и вряд ли дата 14 декабря под стихотворением «Царица смотрела

заставки...» имела для него какой-то особый, «тайный, эзотерический смысл»: думается, она была выставлена поэтом без всякой мысли об освящении константинопольского храма за 1365 лет до этого.

Но несмотря на замечания и претензии, которые можно к ней предъявить, работа М. Ф. Мурьянова, поучительная даже в своих просчетах, кажется в высшей степени ценной и привлекательной. Она богата содержанием и помимо вышеупомянутой гипотезы, которую, надо сказать, М. Ф. Мурьянов пытается обосновать с обычной для него виртуозностью. Верный своему методу, он вводит обсуждаемое стихотворение в самый широкий контекст рубежа веков, ознаменовавшегося ломкой устоявшихся эстетических и естественнонаучных представлений. Автор работы обращает внимание на детали, до которых и по сей день не докопался никто из специалистов. Так, для характеристики «Нового Пути» и петербургских религиозно-философских собраний неоценимое значение имеет «ловко вырванная из контекста» и помещенная в 1-м номере журнала цитата из апостола Павла — якобы о нужности *ересей* (М. Ф. Мурьянов не мог не заметить, что этому слову из церковнославянского текста Библии в синодальном переводе соответствует слово *разномыслия*). В 3-м номере того же журнала — том самом, где дебютировал Блок, — исследователь углядел запрятанное и поданное без комментария дерзкое до скандальности сообщение о том, как Иоанн Кронштадтский осудил в своей проповеди «Новый Путь» за «сатанинские мысли».

Выяснил М. Ф. Мурьянов и то, как представлял себе Блок икону *Богородицы Кроткой*, которой молилась царица. Далее, ученый указал на связь Голубиной книги с хлыстовским фольклором и раскрыл ее цветовую символику, привлекая колористические выкладки П. А. Флоренского, полумемуарные рассуждения Андрея Белого, сочинения по истории хлыстовства. Этих и многих других фактов, добытых и впервые введенных в оборот, достаточно, чтобы работа М. Ф. Мурьянова о литературном дебюте поэта осталась в анналах блоковедения.

А. Л. Гришунин

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Д. Блок

И БЫЛЬ И НЕБЫЛИЦЫ О БЛОКЕ И О СЕБЕ

<Фрагмент воспоминаний>*

Физическая близость с женщиной для Блока с гимназических лет это — платная любовь и неизбежные результаты — болезнь. Слава Богу, что еще все эти случаи в молодости — болезнь не роковая. Тут несомненная травма в психологии. Не боготворимая любовница вводила его в жизнь, а [купл] случайная, безлика, купленная на [одну ночь] несколько [часов] минут. И унижительные, мучительные страдания... [Даже] Афродита Урания и Афродита площадная, разделенные бездной... Даже К. М. С. ** не сыграла той роли, которую должна была бы сыграть; и она более «Урания», чем нужно бы было для такой первой встречи, для того, чтобы любовь

юноши научилась быть любовью во всей полноте. Но у Блока так и осталось — разрыв на всю жизнь. Даже при значительнейшей его встрече уже в зрелом возрасте в 1914 году было так, и только ослепительная, солнечная жизнерадостность Кармен*** победила все травмы и только с ней узнал Блок желанный синтез той и другой любви.

Говорить обо всем этом неприятно, это область «умолчаний», но без этих [далеко еще не полных намеков] столь неприятных слов совершенно нет подхода к пониманию следующих годов жизни Блока. Надо произнести эти слова, чтобы дать хотябы какой то матерьял, пусть и не очень полный, фрейдовскому анализу событий. Этот анализ защитит от несправедливых обвинений сначала Блока, потом и меня.

И я решаюсь говорить о тех трудностях и сложностях, которые встали перед моей коренной неосведомленностью в делах жизни, в делах любви. Даже сильная и уверенная в себе женщина, в расцвете красоты и знания, победила их впоследствии с трудом. Я оказалась совершенно неподготовленной, безоружной. Отсюда ложная основа, легшая в фундаменте всей нашей совместной жизни с Блоком, отсюда безвыходность стольких конфликтов, сбитая линия всей моей жизни. Но обо всем попорядку.

Конечно, не муж и не жена. О, Господи! Какой он муж и какая [я] уж это была жена! В этом отношении и был прав А. Белый, который разрывался от отчаянья, находя в наших отношениях с Сашей «ложь». Но он ошибался, думая, что я и Саша[,] упорствуем в своем «браке» из приличия, из трусости и невесте еще из чего. Конечно, он был прав, говоря, что только он [понимает] любит и ценит меня, живую женщину, что только он окружит эту меня тем [поклонением] «обожанием», которого женщина ждет и хочет. Но Саша был прав по другому (о, по сколько более суровому, но и высокому), оставляя меня с собой. А я всегда широко пользовалась правом всякого человека выбирать не легчайший путь. Я не пошла на услаждение своих «женских» (бабьих) [прав и] претензий, на счастливую жизнь [обожаемой] боготворимой любовницы^{4*}. Отказавшись от этого первого, серьезного «искушения», оставшись верной настоящей и трудной моей любви, я потом [уже] легко отдавала дань всем встречавшимся влюбленностям — это был уже не вопрос, курс был взят определенный, парус направлен, «дрейф» в сторону <sic!> не существен.

За это я иногда впоследствии и ненавидела А. Белого: он сбил меня с моей надежной, самоуверенной позиции. Я по детски непоколебимо верила в единственность моей любви и в свою незыблемую верность, в то, что отношения наши с Сашей «потом» наладятся.

Моя жизнь с «мужем» (!) весной 1906 года была уже совсем расшатанной. Короткая вспышка чувственного его увлечения мной в зиму и лето перед свадьбой скоро, в первые же два месяца погасла, не успев вырвать меня из моего девичьего неведения, так как инстинктивная самозащита принималась Сашей в серьез.

Я до идиотизма ничего не понимала в любовных делах. Тем более не могла я разобратсья в сложной и не вполне простой <sic!> любовной психологии [любви] такого не обиденного мужа, как Саша.

Он сейчас же принялся теоретизировать о том, что нам и не надо физической близости, что это «астартизм», «темное» и Бог знает еще что. Когда я ему говорила о том, что я-то люблю весь этот еще неведомый мне мир, что я хочу его — опять теории: такие отношения не могут быть длительны, все равно он неизбежно уйдет от меня

к другим. А я? «И ты [так] так же». Это меня приводило в отчаянье! Отвергнута, не будучи еще женой, на корню убита основная вера всякой девушки в незыблемость, единственность. Я рыдала в эти вечера с [более] таким бурным отчаяньем, [чем] как уже не могла рыдать, когда все в самом деле произошло «как по писанному».

Молодость все же бросала иногда друг к другу живших рядом. В один из таких вечеров, неожиданно для Саши и со «злым умыслом» моим произошло то, что должно было произойти — это уже осенью 1904 года. С тех пор установились редкие, краткие, по мужски эгоистические встречи. Неведение мое было прежнее, загадка не разгадана и бороться я не умела, считая свою пассивность неизбежной. К весне 1906 года и это немногое прекратилось.

Весна этого года — длительный «простой» двадцатичетырехлетней женщины. Не могу сказать, чтобы я была наделена бурным темпераментом южанки, доводящим ее в случае «неувязки» до истерических, болезненных состояний. Я северянка, а темперамент северянки — шампанское замороженное... Только не верьте спокойному холоду прозрачного бокала — [все возможности] весь искрящийся огонь его укрыт[ы] лишь до времени. К тому же по матери я и казачка (мама — полу казачка, полу шведка). Боря верно учуял во мне «разбойный размах»^{5*}; это было, это я знаю. Кровь предков, привыкших грабить, убивать, насиловать, часто бунтовала во мне и толкала на свободолобивые, даже озорные поступки. [«Но она погасила» [И его] «...И снова поднялся в ней точно разбойный размах; и его погасила она...»^{6*} Да, почти всегда так[. Но иногда] — заедала рефлексия, тягость культуры, тоже воспитанной от рождения. Но иногда — прорывал[а]ось...

Той весной, вижу, когда [я] теперь оглядываюсь, я была брошена на произвол всякого, кто стал бы за мной упорно ухаживать.

* Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 519, л. 121—125, 129—132; ср. ед. хр. 520, л. 52—56). Воспоминания Л. Д. Блок (с многочисленными купюрами) были опубликованы в кн.: *Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т.*, Москва 1980, т. 1, 134—187, 507—513 (особенно ср. с. 171—172). Большая часть печатаемого здесь фрагмента в эту публикацию не вошла.

** Ксения Михайловна Садовская (1862—1925) — «первая любовь» Блока.

*** Любовь Александровна Дельмас (1884—1969) — оперная актриса, исполнительница партии Карменситы.

^{4*} К этому месту была сделана вставка, впоследствии снятая Л. Д. Блок (см.: РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 519, л. 126—128; ед. хр. 520, л. 88—89; *Александр Блок в воспоминаниях современников...*, 171—172).

^{5*} Ср.: «В ней точно таился огромный какой-то разбойный размах» (А. Белый, *Начало века*, Москва — Ленинград 1933, 346).

^{6*} Там же, 342.